

Сродни таланту художества

**У д о д о в Б. Т. Пушкин: Художественная антропология.
Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. - 304 с.**

В дни празднования 200-летнего юбилея А. С. Пушкина Россия словно встряхнулась, осознав смысл того факта, что пушкинские юбилеи приходятся на пограничные годы: это всегда смена эпох. Так было и в конце XIX в. и теперь, когда мы с изумлением оглядываемся вокруг, пытаясь привыкнуть не только к завораживающей датировке с нулями, но и к окружающим нас реалиям.

Б. Т. Удодов, автор недавно вышедшей монографии о Пушкине, убежден: «Пушкин — это наша русская идея в ее беспрестанном развитии, наше воспоминание будущего». Эти строки из его фундаментального исследования подсказаны многолетним изучением русской литературы и не просто изучением, а существованием в той атмосфере любви к ней, которая, по Пушкину, только и «дает истинное разумение».

Впрочем, у того же Пушкина важна и другая мысль: критика «основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях...». Об этом «знании правил» и хотелось бы поговорить в связи с последней работой Б. Т. Удодова, потому что именно художественные законы пушкинского творчества раскрываются в его книге с филигранным мастерством.

Обращает на себя внимание сама формулировка заявленной проблемы — «художественная антропология». Те, кто знаком с другими работами ученого, понимают, что речь идет об особой литературоведческой *методологии* исследования, складывавшейся годами, отточенной в процессе чтения лекционных курсов, заявлявшей о себе в осмыслении художественной индивидуальности Лермонтова, феномена его психологизма, концепции человека в русской литературе в целом.

Изучению литературы как художественного «человековедения»

посвящены по сути все основные исследования Б. Т. Удодова. В них ощутима глубинная связь как с традициями дореволюционной науки («психологическая школа», «культурно-историческая»), так и со структурно-типологическим анализом, выработанным поколениями советских литературоведов.

В первой главе своей монографии «Человек есть тайна...» Б. Т. Удодов, вспоминая слова юного Достоевского, объясняет, что человек как *целостность* и как *многомерность* и является предметом русской литературы. При этом ученый полагает, что определение литературы как художественной антропологии предпочтительнее термина «человековедение»: последний более расплывчат в содержательном плане, тогда как использование философского понятия само по себе предполагает определенный круг вопросов — о сущности, назначении и месте человека в мире, его природно-духовных, социально-личностных составляющих. Глубокое знание различных писательских индивидуальностей, являющих собою цвет отечественной классики, и наряду с этим — типологии художественных концепций человека в русской литературе позволяет Б. Т. Удодову создать методологию анализа литературного героя в его родовом, видовом и индивидуально-неповторимом началах. Традиционные термины, «обслуживающие» разные области научных знаний («род», «вид», «всеобщее», «единичное», «индивидуальность», «личность» и т.д.) обретают значимость системно-комплексного подхода к тем или иным эстетическим явлениям. Важно, что этот подход (сужу на основании своего опыта) «работает», являясь надежным инструментарием в различных ситуациях, будь то студенческий семинар или литературоведческие штудии. Он позволяет «структурировать» предмет исследования, двигаясь при этом к уяснению целостной сущности образа-характера, «его общезначимой неповторимости».

Ярким подтверждением точности концептуальных разработок Б. Т. Удодова и является его анализ пушкинского видения и понимания человека. Наиболее общие «правила, коими руководствуется художник», создавая своих героев, рассмотрены во второй главе монографии: «Пушкин в движении времени. Становление и динамика пушкинской антропологии». С опорой на провидческие суждения о Пушкине Белинского, Гоголя, Достоевского, А. Григорьева и, что важно, мыслителей, недавно востребованных отечественной гуманитарной наукой — И. Ильина, Франка, Мережковского, Розанова и др., Б. Т. Удодов выявляет стремление поэта к «многообъемлемости», «многомир-

ности», глубинной «синтетичности» его художественного видения. Исследователь находит это и в жанровых исканиях Пушкина, не только обозначая разнообразие жанров, но и указывая на его способность к их новаторской интеграции в эволюции метода, в котором реализм и романтизм «взаимокорректируют» друг друга, и, что особенно важно, в нравственно-философских исканиях и взглядах поэта на проблему человека, на соотношение в нем «ролевого» и сущностного.

Эти сами по себе важные рассуждения могли бы повиснуть в воздухе, если бы они не были рассмотрены в контексте проблемы Диалога, по-новому осмысленной уходящим XX столетием. Миновать М. М. Бахтина теперь невозможно никому, кто хочет понять истинную природу искусства. При этом важно не канонизировать ученого, безоглядно веруя в уникальность полифонизма Достоевского или, напротив, широко применяя это понятие направо и налево, но использовать открытые Бахтиным законы художественного мышления Достоевского для более точного понимания путей развития литературы и прежде всего — русской литературы. Работа Б. Т. Удодова как раз и нацелена на выявление своеобразия пушкинского диалогизма и полифонизма. Предметом тонкого анализа ученого становятся и лирика поэта — ее «полярная многомерность», и драматургические опыты — диалог «судьбы человеческой, судьбы народной» в «Борисе Годунове», и «Евгений Онегин» — в его «контрапункте голосов и правд», и поэма «Медный всадник» — как «пересечение миров», и проза от ранних опытов до феномена Белкина — «диалог типов и стереотипов», и «Капитанская дочка» — «непреднамеренные итоги писателя».

Широкий охват литературного материала необходим ученому, чтобы вскрыть универсальную закономерность пушкинской поэтики: воссоздание поэтом напряженного, внешне выраженного и «скрытого», внутреннего диалога о жизни и человеке. Этот пушкинский диалог со своими героями, с самим собой, со своими читателями касался самого главного — вопроса веры и безверия, поиска гармонии и идеала в мире дисгармоничных социальных, государственных и иных установлений. Автор монографии стремится избегать однозначных суждений: сама открытость пушкинского мира предполагает отсутствие какой бы то ни было «зашоренности» и одномерности в трактовках того или иного произведения поэта, как и его творчества в целом. Но заметим, что акцент на принципиальной бестенденциозности поэта уже есть определенная тенденция. Предполагает ли всепроникающий диа-

логизм Пушкина отсутствие у художника выраженной логики в его развитии? «Плюралист» ли Пушкин или человек, на каждом этапе своего существования имеющий свой «символ Веры»?..

Касаясь лирики, Б. Т. Удодов показывает «интертекстуальный диалог», в который вступают между собой различные пушкинские стихотворения. Прекрасно в этой связи дано понимание стихотворения «Пророк» как художественного откровения о рождении человека «в духе», не укладывающегося в рамки школярски понятой темы поэта и поэзии. Читая пушкинскую лирику, мы и в самом деле сталкиваемся с диалогической переключкой Божьего наказа в «Пророке» — «исполнись волею моею» — с наказом в стихотворении «Поэту» — «дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум». «Здесь поэт, — пишет ученый, — в отличие от Пророка, не беспрекословный исполнитель воли Бога, а свободно ищущий осуществления этой воли в истине». И все же возникает вопрос, есть ли здесь реальное противоречие между двумя установками поэта или, быть может, в обоих случаях обнаруживается христианское понимание свободы как следования человеком своей божественной природе? Известно, что христианская мысль различает «свободу выбора» и «свободу воли». Бог — воплощение свободы — не мучится выбором между добром и злом. Человек же, созданный по образу и подобию Божьему, чем более следует своей духовной природе, тем более свободен в творческой самореализации, в следовании божественному наказу.

Вопрос о пушкинском религиозном сознании остается, таким образом, во многом открытым в книге Б. Т. Удодова. Это закономерно для ученого, отстаивающего мысль о «полярности» и «полицентризме» философского и художественного мышления поэта. Кто-то (сознаюсь, что принадлежу к их числу) склонен рассматривать творческий путь Пушкина в его конфессиональном аспекте как возрастание в нем христианской религиозности. Недостатка в подобном прочтении Пушкина сейчас нет. Другое дело, многое здесь еще нуждается в глубоком изучении и требует серьезных доказательств.

Теоретически значимой является глава книги о Пушкине, где в связи с анализом «Бориса Годунова» рассматривается проблема литературно-художественной полифонии. Многие ученые уже после выхода в свет второго издания «Проблем поэтики Достоевского» стремились соотнести открытия Бахтина со своим пониманием общелитературного процесса. Результатом этого стали суждения о наличии «разных форм полифонии в произведе-

дениях других русских классиков», на что и указывает Б. Т. Удодов. Думается, что именно ему удалось с наибольшей убедительностью провести мысль о полифоническом звучании многих пушкинских творений, раскрыть своеобразие именно *пушкинской* полифонии.

Вовлекая Бахтина в орбиту своих размышлений, Б. Т. Удодов и опирается на известные идеи ученого, и оппонирует им. Отмечая вслед за Бахтиным равноправие «правд» героев и автора, их «кругозоров» как черту полифонии, исследователь убежден, что сознание и самосознание героев и автора в принципе *разнопородны*. Автор-демиург, считает он, с неизбежностью «возвышается над правдами героев, выходя из *диалогической горизонтали в диалогическую вертикаль*. Даже в драме, по убеждению ученого, где у автора нет *субъектно* выраженного «голоса», возможно говорить о формах полифонии, так как автор выражен в ней *вне-субъектно*, пребывая в напряженном диалогическом общении с героями. Различая вслед за Бахтиным «первичного» и «вторичного» автора («образ автора» и его разновидности), Б. Т. Удодов настаивает на том, что первичный автор не может оставаться только наравне с изображаемым героем: он вместе с тем непременно становится над ним. При этом «смысловой избыток», проявляющийся в позиции автора-художника, еще не есть сознание того, что он обладает «высшей истиной» (ее автор ищет вместе с героями); скорее это залог «незавершенности большого диалога между героями, автором и читателем, открытости... финалов».

Конкретный анализ «Бориса Годунова», «Маленьких трагедий», «Евгения Онегина», «Медного всадника» наполняет теоретические построения исследователя живым дыханием большого искусства. У читателя книги Б. Т. Удодова возникает чувство *объема, стереоскопичности* исследовательского взгляда — это объясняется именно и, прежде всего, тем, что ученый адекватно постигает пушкинский мир.

Можно много говорить и писать об общих идеях и конкретных наблюдениях, содержащихся в книге. «Ну что же, на то и ученый, чтобы работать с текстом и порождать идеи», — скажет кто-то. На это заметим: есть в работе о художественной антропологии Пушкина нечто такое, что не дается одним только литературоведческим мастерством, но сродни самому таланту художества. Это постижение человека, его души, мотивов его поведения. Ведь для нас они живые, эти Онегины и Татьяны, Гриневы и разнообразные пушкинские Маши. Стоит прочесть стра-

ницы, где дан тонкий психологический анализ поведения пушкинского Сильвио, Евгения из «Медного всадника», содержится объяснение феномена Белкина или нравственной ситуации в «Станционном смотрителе», чтобы понять, что *такое* понимание жизни, именно жизни, а не литературы, дается не даром, но достигается долгими годами служения любимому делу, укорененностью на родной земле, всматриванием в многосложное бытие народа как части человечества.

М. А. Козьмина